

Пост-левая анархия

МакКuin Джейсон

2009

Пролог к после-левой анархии

Прошло уже почти полтора десятилетия со времени падения Берлинской стены. Семь лет с тех пор, как Боб Блэк прислал мне манускрипт своей книги *«Anarchy after Leftism»*, опубликованной в 1997-м году. Более четырёх лет с тех пор, как я попросил (издателей) Anarchy Magazine поучаствовать в дискуссии о «пост-левой анархии», которая была полностью опубликована в зимнем выпуске журнала (№48). А также один год с тех пор, как я написал и издал *«Post-Left Anarchy: Rejecting the Reification of Revolt»*, увидевшую свет зимой 2002 — 2003 в 54-м номере журнала Anarchy: A Journal of Desire Armed.

Можно по праву спросить, что было достигнуто введением термина и началом дебатов в анархистских и, более того, радикальных кругах, кроме создания новой темы для споров в анархистской и левацкой прессе, на интернет-страницах и в email-рассылках? В ответ я бы сказал, что реакция продолжает расти, а обещание пост-левой анархии заключается в том, что окажется всё более светлеющим будущим.

Одной из самых сложных проблем современного анархизма была постоянная фиксированность на попытках возрождения борьбы прошлого, как будто с 1919-го, 1936-го или, лучше, 1968-го годов ничего значимого не произошло. Отчасти — это последствие долго царившего среди большинства анархистов анти-интеллигентализма. Отчасти — это результат исторического заката анархизма в виду победы большевистского государственного коммунизма и (само-) поражения Испанской революции. И отчасти это потому, что подавляющее большинство самых влиятельных анархистских теоретиков, таких как Годвин, Штирнер, Прудон, Бакунин, Кропоткин и Малатеста, жили в 19-м и начале в 20-го столетия. Пробел в развитии анархистской теории со времени возрождения движения в 1960-х годах может быть сегодня заполнен любой новой и адекватной формулировкой теории и практики, которая окажется достаточно сильной, чтобы положить конец застою и связать творчество большинства современных анархистов так же, как это делали формулировки Бакунина или Кропоткина в 19-м веке.

Начиная с 1960-х годов, вначале ничтожно малое, но с того времени постоянно растущее, анархистское движение подвергалось влиянию Движения за гражданские права, Пола Гудмэнна, SDS (движения Студентов за Демократическое Общество),

йиппи, движения против войны во Вьетнаме, Фреда Вудворта, марксистских Новых Левых, Ситуационистского Интернационала, Сэма Долгоффа и Мюррея Букчина, движений вокруг одной темы (анти-расистского, феминистского, анти-атомного, анти-империалистического, экологического, за права животных и т.п.), Ноама Чомского, Фредди Перлмана, Джорджа Бредфорда / Дэвида Уотсона, Боба Блэка, Хаким Бея, Earth First! и глубинной экологии, нео-язычества и нью эйдж, движения против глобализации и многих других. Но всё же все эти различные влияния на протяжении последних сорока лет, как анархистские, так и не-анархистские, не смогли сделать значимым какой-либо вдохновляющий синтез критической и практической теории. Некоторые анархисты, в особенности Мюррей Букчин и Love and Rage Project, пытались сплавить чрезвычайно разнообразное и идиосинкразическое анархистское движение в совершенно новое движение с общей теорией и потерпели в этом крах. Я бы сказал, что в нашей актуальной ситуации этот проект обрётен на поражение, неважно, кто пытается это сделать.

Альтернатива, за которую выступает пост-левый анархистский синтез, всё ещё создаётся. На неё не может претендовать ни какой теоретик или активист, потому что это проект, витавший в воздухе задолго до того, как он начал становиться конкретным комплексом предложений, текстов и интервенций. Те, кто пытался развить синтез, находились, с одной стороны, под влиянием классического анархистского движения до Испанской революции, и нескольких наиболее многообещающих интервенций, развитых с 60-х годов. Самые важные теории включают в себя критику повседневной жизни и критику Спектакля, критику идеологии и морали, промышленной технологии, труда и цивилизации. Способы интервенции фокусируются на конкретном применении прямого действия во всех аспектах жизни. Вместо того, чтобы стремиться к созданию институциональных или бюрократических структур, эти вмешательства нацелены на максимальную критическую эффективность с минимальным компромиссом в постоянно изменяющихся сетях действия.

Ясно, что эта новая критика и способы интервенции, большей частью, несовместимы как со старыми левыми 19-го и начала 20-го веков, так и с большинством Новых левых 60-х и 70-х годов. И столь же ясно, что их использует большинство анархистов, тяготеющих к ним, т.к. кажется, что они больше подходят к глобальной ситуации, в которой мы сегодня находимся, чем старые теории и тактики левачества. Если анархизм не перестанет обращаться к живым реалиям 21-го века, оставив позади отслужившую политику и организационный фетишизм левачества, его значение постепенно уменьшится, а возможности радикального вызова, заметные сегодня, медленно исчезнут. Пост-левая анархия — это, в общем-то, просто рубрика, посредством которой некоторые вдумчивые анархисты хотели бы видеть, как наиболее жизненные из новых критик и интервенций волются во всё более ясное и эффективное движение, которое изначально несёт в себе единство в разнообразии, полную автономию индивидов и локальных групп в борьбе, и органичное развитие уровней организации, которые не сдерживают наших коллективных энергии, спонтанности и творчества.

Введение

Анархистская критика левизны имеет историю столь же долгую, сколь долго слово «левая» обладает политическим значением. Раннее анархистское движение возникло

из тех же самых конфликтов, что и другие социалистические течения (которые составили большую часть политической левой), от которых оно, вероятно, отмежевалось. Анархистское движение и другие социалистические движения были, в первую очередь, продуктом социального фермента, из-за которого началась Эпоха Революций — начатая Английской, Американской и Французской революциями. Она была историческим периодом, когда ранний капитализм развивался посредством присвоения общественных богатств (*commons*) с целью разрушения коммунального самообеспечения, индустриализация производства основывалась на научных техниках, а рыночная экономика агрессивно распространялась по всему миру. Но анархистская идея всегда была более глубокой, более радикальной и обладала большими холистическими аспектами, чем обычная социалистическая критика эксплуатации труда при капитализме. Это потому, что анархистская идея происходит как из социального фермента Эпохи Революций, так и из критичного воображения индивидов, ищущих избавления от любых форм общественного отчуждения и власти.

Анархистская идея обладает неустранимым фундаментом, на котором стоит его социальная критика, всегда и везде провозглашающая, что только свободные индивиды могут создать свободное, неотчуждённое общество. Столь же важно — этот индивидуалистский фундамент включает в себя идею, что эксплуатация и угнетение любого индивида умаляет свободу и достоинство всех. Это довольно непохоже на колективистские идеологии политической левой, в которых индивид систематически обесценивается, лишается значения или отрицается и в теории, и на практике — хотя и не всегда в идеологической витрине, нужной лишь для того, чтобы обмануть наивных. Это также то, что не даёт настоящим анархистам встать на путь авторитарной левой, правой или центра, которые обычно используют эксплуатацию и угнетение масс, а иногда и массовые заключения или убийства, чтобы захватить, защитить и расширить свою долю политической и экономической власти.

Поскольку анархисты понимают, что свободно организовавшиеся люди могут создать свободные сообщества, они отказываются приносить в жертву индивидов или сообщества для получения видов власти, которые непременно предотвратят возникновение свободного общества. Но рассматривая практически общие корни анархистского движения и социалистической левой, а также их исторические конфликты за получение или сохранение поддержки интернационального рабочего движения различными способами, не удивляет, что на протяжении 19-го и 20-го веков социалисты часто осваивали аспекты анархистской теории или практики будто свои, в то время как ещё больше анархистов переняли аспекты левацкой теории и практики в различных лево-анархистских синтезах. И это несмотря на то, что в борьбе за индивидуальную и общественную свободу по всему миру политическая левая повсюду выказала либо обман, либо практическую неудачу. Где бы социалистическая левая ни оказывалась успешной в организации и захвате власти, она, в лучшем случае, реформировала (или реабилитировала) капитализм или, в худшем, основывала новые тиарии, многие с убийственной политикой — некоторые в масштабах геноцида.

И вот, с шокирующей международной дезинтеграцией политической левой, последовавшей за коллапсом Советского Союза, пришло время для анархистов переоценить всякий компромисс, который был заключён или всё ещё в действии, с

угасающими остатками левачества. Какая бы польза для анархистов ни была в прошлом в том, чтобы заключить с левачеством компромиссы, она испаряется по мере исчезновения левых даже из фальшивой оппозиции фундаментальным учреждениям капитализма: наёмному труду, производству для рынка и правлению стоимости.

Леваки в анархистских кругах

Быстрое исчезновение политических левых со сцены истории постепенно остановило международное анархистское движение единственным революционным антикапиталистическим игроком. Когда анархистское движение росло в последнее десятилетие, рост его, большей частью происходил благодаря недовольной молодёжи, привлекаемой его всё более видимыми, живыми и иконокластическими деятельностью и масс-медиа. Но заметное меньшинство этого прироста — это бывшие леваки, которые иногда постепенно, иногда подозрительно резво решали, что анархисты могли быть правы в их критике политических авторитетов и государства вообще. К несчастью, не все леваки испарились или поменяли ориентиры за одну ночь. Большинство бывших леваков, приходящих в анархистское движение, приносят с собой, сознательно или бессознательно, левакие настроения, предубеждения, привычки и представления, формировавшие их бывшее движение. Разумеется, не все эти мнения, привычки и представления неизбежно авторитарны или анти-анархичны, но многие из них явственно таковы.

Частью проблемы является то, что многие бывшие леваки склоняются к «пониманию» анархизма лишь как формы антигосударственного левачества, игнорируя или принижая его неотторжимый индивидуалистический фундамент как неважный для общественной борьбы. Многие просто не понимают огромное различие между самоорганизующимся движением, пытающимся избавиться от всякой формы общественного отчуждения, и обычным политическим движением, старающимся реорганизовать производство более справедливым способом. В то же время другие всё же понимают отличие довольно хорошо, но пытаются из различных соображений реформировать анархистское движение, опять же, в движение политическое. Некоторые бывшие леваки делают это потому, что избавление от общественного отчуждения кажется им несимпатичным или невозможным; некоторые же — потому, что остаются в фундаментальной оппозиции ко всякому индивидуалистическому (или сексуальному, или культурному и т.п.) аспекту социальной теории и практики. Некоторые цинично осознают, что никогда не достигнут властных позиций в истинно анархистском окружении и выбирают создание более узких политических организаций с большим пространством для манипуляции. Иные же, не привыкшие к автономному мышлению и практике, просто чувствуют себя неудобно и неуютно в связи со многими аспектами анархистской традиции и желают продвинуть те левацкие аспекты в анархистском окружении, которые помогли бы им чувствовать себя менее в опасности и более уверенно — так, чтобы они могли продолжать играть свои былые роли (партийных) кадров или бойцов, просто без руководства чёткой авторитарной идеологии.

Чтобы понять актуальные противоречия внутри анархистского движения, анархистам нужно оставаться постоянно начеку — и осторожно-критичными относительно всего этого. Личные нападки внутри анархистского окружения не являются чем-то новым, и зачастую — трата времени, поскольку заменяют собой рациональную

критику актуальных позиций людей. (Слишком часто рациональная критика позиций просто игнорируется теми, кто не в состоянии аргументировать с собственных позиций, чьим единственным курсом остаются дикие или незначительные обвинения или попытки очернения). Но остаётся значительное пространство для критики *ad hominem*, адресованной избранным людьми идентичностям, особенно если эти идентичности настолько сильны, что включают в себя глубинные, часто неосознанные слои привычек, предрассудков и зависимостей. Все эти привычки, предрассудки и зависимости — левацкие или какие-либо ещё — создают прекрасные доступные цели для анархистской критики.

Рекуперация и левое крыло капитала

Исторически, огромная часть левацкой теории и практики функционировала как лояльная оппозиция капитализму. Леваки были (зачастую честно) критичными касательно отдельных аспектов капитализма, но всегда готовыми объединиться со всей международной капиталистической системой, когда они были способны заполучить кусок власти, частичные реформы или иногда — просто шаткое обещание частичных реформ. По этой причине леваки вполне заслуженно подвергались критике (как ультралевыми, так и анархистами) как левое крыло капитала.

Проблема не просто в том, что те леваки, которые желают быть анти-капиталистами, на самом деле ими не являются, хотя некоторые осознанно использовали подобную ложь, чтобы получить властные позиции в оппозиционных движениях. Главная проблема в том, что леваки обладают неполными, противоречивыми теориями капитализма и общественных изменений. Как результат — их практика всегда стремится к рекуперации (или кооптации и реинтеграции) социального бунта. Всегда с фокусом на организацию, леваки используют разнообразные тактики в своих попытках овеществить и опосредовать общественную борьбу — репрезентация и замещение, навязывание коллективистских идеологий, коллективистский морализм и чрезвычайно репрессивное насилие в той или иной форме. Типично, что леваки применяли все эти тактики наиболее непрезентабельным, тяжеловесным и явственно авторитарным способом. Но эти тактики (кроме последней) могут также быть — и часто были — применены и более тонко, менее явно авторитарно; наиболее важным примером в нашем случае является историческая и актуальная практика многих (но не всех) левых анархистов.

Овеществление в общем описывается как «становление вещью». Это сведение сложного, живого процесса к застывшему, мёртвому или механическому собранию предметов или действий. Политическое опосредование (форма практического овеществления) — это попытка вмешаться в конфликт как третья сторона или представитель. В общем-то, это решающая характеристика всей левой теории и практики. Левчество всегда вызывает овеществление и опосредование социального бунта, в то время как последовательные анархисты опосредование бунта отвергают. Формулировка пост-левой анархии есть попытка помочь сделать этот отказ от овеществления бунта ещё более последовательным, широко распространённым и осознанным, чем он уже есть.

Анархия как теория и критика организации

Один из наиболее фундаментальных принципов анархизма — то, что общественная организация должна служить свободным индивидам и свободным группам, а

не наоборот. Анархия не может существовать, когда индивиды или общественные группы находятся под властью, будь эта власть учреждена и привнесена внешними силами или их собственной организацией.

Для анархистов центральной стратегией потенциальных революционеров была не-опосредующая (анти-авторитарная, часто неформальная или минималистская) самоорганизация радикалов (основанная на симпатии и / или специфической теоретической / практической активности), чтобы придать мужества и участвовать в самоорганизации народного восстания и бунта против капитала и государства во всех их формах. Даже среди большинства левых анархистов всегда был хотя бы некий уровень понимания, что опосредующие организации, в лучшем случае, крайне нестабильны и неизбежно открыты для рекуперации, требуют постоянных внимания и борьбы, чтобы избежать их полной рекуперации.

Но для всех леваков (включая левых анархистов), с другой стороны, центральная стратегия всегда чётко фокусируется на создании организаций-посредников между капиталом и государством с одной стороны и массой недовольных, относительно беспомощных людей, с другой. Обычно эти организации сосредотачивались на посредничестве между капиталистами и рабочими или между государством и рабочим классом. Но и множество других посредничеств, включающих в себя оппозицию отдельным учреждениям или вмешательство между отдельными группами (социальными меньшинствами, под-группами рабочего класса и т.п.) были обычным делом.

Организации-посредники включали в себя политические партии, синдикалистские профсоюзы, массовые политические организации, передовые группы, кампании по одной теме и т.д. Их целями всегда является кристаллизация и затвердевание определённых аспектов всеобщего социального бунта в ограниченные формы идеологии и соответствующие формы активности. Создание формальных, опосредующих организаций всегда и неизбежно включает в себя определённые уровни:

* Редукционизм (Лишь отдельные аспекты общественной борьбы включены в эти организации. Прочие аспекты игнорируются, искаются или угнетаются, что ведёт ко всё большему и большему расколу борьбы. Что, в свою очередь, устанавливает манипуляцию элитами и их возможную трансформацию в чисто реформистские лоббистские сообщества, из которых исключена вся общая, радикальная критика).

* Специализация или профессионализм (Занятые ежедневными операциями в организации избираются — или самоизбираются — чтобы играть высоко специализированные роли организации, что часто ведёт к официальному разделению на лидеров и ведомых, с градациями власти и влияния, представленными в форме посреднических ролях в развивающейся организационной иерархии).

* Замещение (Формальная организация всё больше становится фокусом стратегии и тактики, а не бунтующие люди. В теории и на практике стремится к постепенному замещению людей, организационные лидеры — к особенно если это стало формальным — стремятся заместить собой всю организацию, и, возможно, возникает супер-лидер, который воплощает собой и контролирует организацию).

* Идеология (Организация скорее становится главным субъектом теории, где индивидам отводятся роли, чем люди создают свои собственные теории. Все, кроме самых сознательных анархистских формальных организаций стремятся к адаптации

некоторых форм коллективистской идеологии, в которой социальная группа занимает больше политической реальности, чем индивид. Где бы ни лежал суверенитет, там же находится и политический авторитет; если суверенитет не распределён на каждую отдельную личность, это всегда вызывает подчинение индивида группе в какой-либо форме).

Все анархистские теории самоорганизации, напротив, различными способами и с различными акцентами) призывают к:

* Индивидуальной и групповой автономии со свободной инициативой (Автономный индивид является фундаментом всякой истинно анархистской теории организации, ибо без автономного индивида всякий другой уровень автономии невозможен. Свобода инициативы одинаково фундаментальна для индивидов и для групп. Способность к принятию решений и их необходимость приводят к их непосредственному исполнению без высшей власти. В виде примечания: пост-структуралисты или постмодернисты, которые отрицают существование автономного анархистского индивида, очень часто используют верную критику метафизического субъекта, чтобы доказывать, что даже процесс живой субъективности — абсолютная фикция: перспектива самообмана, которая делает общественную теорию невозможной и ненужной).

* Свободной ассоциации (Ассоциация никогда не свободна, если является вынужденной. Это означает, что люди свободны объединяться с кем угодно в любых желаемых комбинациях, а также отделяться и отказываться от объединения).

* Отрицание политического авторитета и, следовательно, идеологии (Слово «анархия» означает отсутствие правления или правителя. Отсутствие правления и правителя означает, что над самими людьми нет политического авторитета, который мог бы и должен был бы исполнять все их собственные решения, как бы они ни выглядели. Большинство форм идеологии служат легитимации авторитета той или иной элиты или учреждений, принимающих решения за людей; или они служат для де-легитимации решений, принимаемых самими людьми).

* Маленькой, простой, неформальной, прозрачной и временной организации (Большинство анархистов соглашается с тем, что небольшие группы face-to-face позволяют наиболее полное участие с наименьшим объёмом специализации. Наиболее простые структуры и менее сложные организации оставляют больше возможностей для устранения иерархий и бюрократии. Неформальные организации наиболее гибкие и способны постоянно приспосабливаться к новым условиям. Открытая и прозрачная организация наиболее легко понимается и контролируется своими членами. Чем дальше организации существуют, тем более они становятся склонны к развитию ригидности, специализации и, возможно, иерархии. Организации обладают отрезками жизни, и редко, чтобы какая-то анархистская организация была важна настолько, чтобы она существовала на протяжении поколений).

* Децентрализованной, федеративной организации с прямым принятием решений и уважением перед меньшинствами (Если они неизбежно более велики, то более сложные и формальные организации могут оставаться под управлением своих членов, если являются децентрализованными и федеративными. Когда face-to-face группы с их возможностью прямого участия и оживлённых дискуссий и принятия решений становятся невозможными при определённых размерах, то лучше всего

децентрализовать организацию на много маленьких с федеральной структурой. Или когда маленьким группам приходится объединяться с такими же группами, чтобы лучше справляться с долгосрочными проблемами, предпочтительна свободная федерация — с абсолютным самоопределением на каждом уровне, включая базис. Пока группы остаются в управляемом размере, собрания всех, кого это касается, должны быть способны принимать прямые решения о методах, которые кажутся им приемлемыми. Как бы то ни было, меньшинства не могут принуждаться к соглашению с большинством на основе какой-либо выдуманной концепции суверенитета. Анархия — это не прямая демократия, хотя анархисты вполне могут выбрать использование демократических методов принятия решений, где и когда им угодно. Единственно реальное уважение к мнениям меньшинства означает, что меньшинства обладают той же властью, что и большинство, что требует согласования и высочайшего уровня взаимного согласия для стабильного, эффективного группового принятия решений).

В конце концов, самое большое различие в том, что анархисты выступают за самоорганизацию, в то время как леваки пытаются вас организовать. Для леваков ударение всегда ставится на рекрутовании в их организацию, чтобы вы могли принять роль кадра, служащего их целям. Они не желают видеть вас применяющими свои собственные теории само-определения и практику, поскольку тогда вы не позволите им манипулировать собой. Анархисты хотят, чтобы вы определили сами свою теорию и действия и самоорганизовали свои действия с единомышленниками. Леваки хотят создать идеологическое, стратегическое и тактическое единство, по возможности, посредством «самодисциплины» (вашего самоугнетения), или организационной дисциплины (угроза санкциями), если необходимо. В любом случае, от вас ожидают, что вы откажетесь от своей автономии, чтобы следовать их путём, который для вас уже намечен.

Анархия как теория и критика идеологии

Анархистская критика идеологии начинается с трудов Макса Штирнера, хотя сам он не использовал такого термина для своей критики. Идеология — это средство, при помощи которого отчуждение, власть и эксплуатация рационализируются и оправдываются через деформацию человеческой мысли и коммуникации. Вся идеология, в сущности, заключается в замещении человеческой субъективности чужими (или неполными) концепциями или образами. Идеологии — это системы мысли или фальшивое сознание, в которых люди больше не видят в себе субъектов своих отношений с миром. Вместо этого они уверены, что подчинены тому или иному типу абстракции или абстракций, которые неверно понимаются как реальные субъекты или актёры в их мире.

Когда какая-либо система идей и обязанностей сформирована вокруг абстракции в её центре — предписывая людям роли или обязанности в своё имя — такая система всегда является идеологией. Все различные формы идеологии сформированы вокруг абстракций, ведь они всегда служат интересам иерархических и отчуждённых общественных структур, поскольку они иерархичны и отчуждены в царстве мысли и общения. Даже если идеология на словах отвергает иерархию и отчуждение в своём содержании, её форма всегда соответствует тому, что лживо отрицается, и форма эта всегда будет стремиться к тому, чтобы подорвать явное содержание идеологии. Будь это абстракция Бог, государство, партия, организация, технология, семья, человече-

ство, мир, экология, природа, труд, любовь или даже свобода; если она навязывается и представляется как активный субъект с собственной сущностью, который ставит нам требования, то это центр идеологии. Капитализм, индивидуализм, коммунизм, социализм и пацифизм идеологичны в большинстве случаев, как они обычно понимаются. Религия и мораль всегда идеологичны по самому своему определению. Даже сопротивление, революция и анархия часто принимают формы идеологии, если мы не соблюдаем критическую осторожность в том, как мы мыслим и каковы настоящие цели нашего мышления. Идеология практически повсеместна. От рекламы в прессе и на ТВ, до академических диспутов и научных исследований, почти каждый аспект современного мышления и коммуникации идеологичен, а его настояще значение для человеческих субъектов скрыто под слоями мистификаций и путаницы.

Левачество как овеществление и опосредование социального восстания, всегда идеологично, т.к. требует от людей рассматривать себя в первую очередь в их ролях внутри и в отношениях с левацкой организацией и угнетёнными группами, которые, в свою очередь, понимаются как более реальные, чем индивиды, собравшиеся, чтобы создать их. Ибо левацкая история никогда не делается индивидами, но скорее организациями, социальными группами и, прежде всего, для марксистов — социальными классами. Всякая крупная левацкая организация обычно формирует свою собственную идеологическую легитимацию, чьи главные пункты обязаны хотя бы знать и защищать, если не распространять, все её члены. Серьёзно критиковать или подвергать идеологию сомнениям всегда грозит исключением из организации.

Пост-левые анархисты отвергают все идеологии в пользу индивидуального и совместного создания своей индивидуальной теории. Индивидуальная теория себя (individual self-theory) — это теория, в которой интегральный индивид-в-контексте (со всеми её или его отношениями, со всей её или его историей, желаниями и планами и т.п.) всегда является субъективным центром восприятия, понимания и действия. Совместная теория обычно основывается на группе как на субъекте, но всегда с подспудным вниманием к индивидам (и их собственным теориям), которые составляют группу или организацию. Не-идеологические, анархистские организации (или неформальные группы) всегда чётко основываются на автономии индивидов, создающих их, в отличие от левацких организаций, требующих отказа от личной автономии как условия членства.

Без Бога, без хозяина, без морального порядка: Анархия как критика моральности и морализма

Анархистская критика морали так же начинается с главного труда Штирнера, «Единственный и его Собственность» (1844). Мораль — это система овеществлённых ценностей — абстрактных ценностей, которые вырваны из всякого контекста, высечены в камне и превращены в неоспоримые истины, которым следует следовать, не взирая на актуальные личные желания, мысли или цели, и не смотря на ситуацию, в которой личность находится. Морализм — не только практика унижения живых ценностей до овеществлённой морали, но и рассматривание себя как более лучшего (человека), чем другие, поскольку ты подчинился морали (ханжество), и агитация за мораль как за средство общественных изменений.

Часто, когда глаза людей открываются благодаря скандалам или разочарованиям, и они начинают копать под поверхностью идеологий и воспринятых идей, которые

они считали нормальными всю свою жизнь, кажущаяся логичность и сила нового ответа, который они находят (будь то религия, левачество или анархизм), могут привести к уверенности, что они нашли теперь новую Правду (с большой буквы П). И когда это начинает происходить, люди слишком часто сворачивают на дорогу морализма с его сопутствующими проблемами элитизма и идеологии. Если люди подпали под иллюзию, что они нашли единую Правду, которая всё поправит — если только достаточно людей её поймёт, то соблазн заключается в том, что эта единая Правда будет рассматриваться как решение для предполагаемой Проблемы, вокруг которой вся теория и строится, что приводит людей к построению абсолютной системы ценностей для защиты их волшебного решения Проблемы, указанной Правдой. В этой точке морализм занимает место критического мышления.

Различные формы левачества вызывают различные формы морали и морализма, но наиболее распространённой в левачестве Проблемой является то, что люди эксплуатируются капиталистами (или находятся под их властью, или отчуждены обществом от производственного процесса и т.д.). Правда — в том, что Люди должны взять контроль над Экономикой (и / или Обществом) в свои руки. Самое большое Препятствие на пути к этому — Владение и Контроль над Средствами Производства Капиталистическим Классом, прикрываемым монополией на использование легального насилия посредством его (класса) контроля над политическим Государством. Чтобы преодолеть это, за людей необходимо взяться с евангелическим рвением, чтобы убедить их отказаться от всех аспектов, идей и ценностей Капитализма и принять культуру, идеи и ценности идеализированного Рабочего Класса (или его представительских учреждений, если не их Центральных комитетов или Верховных лидеров) во всём обществе... Это часто приводит к некоторым формам «рабочизма» (обычно включает в себя заимствование преобладающего образа культуры рабочего класса, иначе говоря, стиля жизни рабочего класса), веру в (обычно научное) Организационное Спасение, веру в Науку (неизбежной победы Пролетариата в ходе) Классовой Борьбы и т.п. А следовательно — и к тактике, соответствующей созданию Единственной Истинной Организации Рабочего Класса для Захвата Экономической и Политической Власти. Целая система ценностей выстроена вокруг отдельной, чрезмерно упрощённой концепции мира, а моральные категории добра и зла подменили критический анализ в терминах индивидуальной и совместной субъективности.

Впадение в морализм никогда не является автоматическим процессом. Это тенденция, которая проявляет себя естественным образом каждый раз, когда люди вступают на тропу овеществлённой критики общества. Мораль всегда вызывает отход от развития корректной критической теории себя и общества. Она замыкает развитие стратегии и тактики, соответствующих этой критической теории, и побуждает к уверенности в личном и коллективном спасении, если жить в согласии с моралью, идеализируя культуру или стиль жизни как безупречный или благородный и одновременно демонизируя всё кроме них, будто всё это соблазны и злостные извращения. Неизбежное настаивание становится затем упрямой, постоянной попыткой наложить рамки ценностей и зла посредством наблюдения за жизнью всех, кто является членом секты-группы, в то время как другие группы лицемерно оклеветываются. В рабочистском окружении, например, это означает нападать на всех, кто не поёт дифирамбы ценностям рабочего класса (а в особенности — Единой Истинной

форме Организации), или ценностям преобладающего образа культуры или стиля жизни Рабочего Класса (будь то употребление пива вместо вина, отвержение модных субкультур, езда на Форде и Шевроле вместо БМВ и Вольво). Цель, конечно — это сохранение линий включения и исключения между членами группы и людьми вне её (люди извне представляются в высокоразвитых странах различными способами как Средний и Высший Классы, Мелкие Буржуа и Буржуа, или крупные и мелкие Менеджеры и Капиталисты).

Жить согласно морали — означает приносить определённые желания и соблазны (невзирая на конкретную ситуацию, в который вы находитесь) в жертву благословенным ценностям. Никогда не ешьте мяса. Никогда не ездите на спортивных автомобилях. Никогда не работайте с 9 до 5 часов. Никогда не становитесь штрайкбрехерами. Никогда не голосуйте. Никогда не разговаривайте с полицейским. Никогда не берите денег у правительства. Никогда не платите налогов. Никогда и т.д. и т.п. Не самый привлекательный способ жить своей жизнью для кого-то, кто заинтересован в критической мысли о мире и анализе того, что следует сделать для себя.

Отвергнуть мораль — значит создать критическую теорию себя и общества (она всегда самокритична, временна и никогда не тотальна), в которой ясная цель — покончить с собственным общественным отчуждением, никогда не может быть спутана с овеществлёнными партийными целями. Это подчёркивает то, что людям должна быть выгоднее радикальная критика и солидарность, а не обязательные священные жертвоприношения ради безупречной жизни согласно политически верной морали.

Пост-левая анархия: Не левая, не правая, а автономная

Пост-левая анархия не так уж нова. Это не политическая программа и не идеология. Она не задумывалась для того, чтобы создать некую новую фракцию или секту в широком анархистском движении. Это ни в коем случае не открытие в сторону политической правой; правая и левая всегда имели друг с другом больше общего, чем с анархизмом. И она точно не задумывалась как новый товар на уже переполненном рынке псевдо-радикальных идей. Она задумывалась просто как напоминание о самых фундаментальных и важных анархистских позициях внутри контекста распадающейся международной левой.

Если мы не хотим сгинуть вместе с левачеством, когда оно рухнет, нам нужно полностью, сознательно и ясно отделиться от его многочисленных поражений и, в особенности, от ущербных предпосылок, привёдших левачество к этим поражениям. Это не должно означать, что анархистам невозможно понимать самих себя как леваков — у нас была долгая, большей частью славная история анархистско-левацкого синтеза. Но это означает, что в нашей сегодняшней ситуации ни для кого не возможно — включая левых анархистов — избежать конфронтации с фактом, что крушение левачества на практике требует полной критики левачества и отчётливого разрыва с каждым аспектом левачества, замешанным в его неудачи.

Левые анархисты больше не могут избегать критики, обращённой на их левачество. С этого момента больше не является полезным (да и не то, чтобы когда-то являлось) проецировать все неудачи левачества на наиболее явно отвратительные виды и эпизоды левацкой практики вроде ленинизма, троцкизма и сталинизма. Критика левацкой государственности и левацкой партийной организации всегда была

лишь верхушкой критики, которая должна сегодня направиться на весь айсберг левачества, включая и те аспекты, которые давно содержатся в традиции анархистской практики. Всякий отказ от широкой и глубокой критики порождает нежелание от проверки себя, что необходимо для истинного самопонимания. А упрямое избегание самопонимания никак не может быть оправданным для кого-то, кто стремится к радикальным общественным изменениям.

Сегодня у нас создалась беспрецедентная возможность, вместе с множеством критических средств, воссоздать международное анархистское движение, которое может стоять на своих ногах и не преклоняться ни перед каким другим движением. Всё, что остаётся всем нам — это воспользоваться возможностью для того, чтобы критически переформулировать наши анархистские теории и заново изобрести нашу анархистскую практику в свете наших наиболее фундаментальных желаний и целей.

Долой овеществление бунта! Левачество умерло! Да здравствует анархия!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

МакКuin Джейсон
Пост-левая анархия
2009

Скопировано 01.07.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=205>
Перевод с английского: Spongebob S. Pants

ru.anarchistlibraries.net